

УДК 82-311.6

Чеченская трагедия конца XX – начала XXI века в творчестве русскоязычных чеченских писателей

Белоус Людмила Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Северо-Осетинский государственный университет им. К. Хетагурова,
362025, Российская Федерация, Республика Северная Осетия-Алания,
Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46;
e-mail: belouslv@yandex.ru

Аннотация

Взгляд на чеченские события изнутри, то есть со стороны русскоязычных авторов чеченского происхождения, несколько отличается от того, что представлено в современной русской батальной литературе. Писатели из Чечни демонстрируют гораздо более высокий уровень усталости от войны и категоричного ее неприятия; они глубже и полнее показывают влияние войны на мирную жизнь обыкновенных людей. Некоторые взгляды на природу войны, которые можно встретить в художественной прозе представителей писательского сообщества Чеченской Республики, практически нигде больше не встречаются. Таково представление о войне как катализаторе национального самосознания народа и сплочения этноса; о войне как мистическом явлении; войне как попытке вселенной вернуть человека к «правильной» иерархии ценностей.

Для цитирования в научных исследованиях

Белоус Л.В. Чеченская трагедия конца XX – начала XXI века в творчестве русскоязычных чеченских писателей // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 2А. С. 133-142.

Ключевые слова

Батальная проза, чеченская война, символичность, интерпретация, шовинизм.

Введение

Вполне закономерно, что о чеченской трагедии конца XX – начала XXI века пишут не только русские авторы, но и представители национальной чеченской русскоязычной литературы. Их взгляд на ситуацию несколько отличается от заявленного в русской прозе, и эти

расхождения требуют внимательного рассмотрения. Чеченская литература о войне представлена не слишком большим количеством текстов, но и незначительным это количество назвать нельзя.

Роман К. Ибрагимова «Детский мир»

Наиболее типичное и широко распространенное отношение к происходившим на территории Чеченской Республики на рубеже XX–XXI веков событиям представлено в романе К. Ибрагимова «Детский мир». В нем, во-первых, трактовка причин войны максимально совпадает с тем, что предлагается в подавляющем большинстве батальных произведений последнего времени: «Было это в первую чеченскую компанию. Именно в компанию. Потому что война в Чечне – это война в Чечне; где-то далеко, в глуши, в горах, так там войны испокон веков – привыкли. А компаниям война нужна, ведь это шумовой фон, громоотвод, красочная декорация, за ширмой которой идет не менее жестокая война за разворовывание госсобственности, за новый передел мира сильными мира сего» [Ибрагимов, 2005, 5]. Во-вторых, автор романа акцентирует внимание читателей на том, как трагично и непоправимо война влияет на жизнь мирных людей. И если, как показано в тексте «Детского мира», вооруженные мужчины каким-то образом все-таки к войне подготовлены, то старики, женщины и дети страдают без вины – и это автор понимает как несправедливость. В-третьих, К. Ибрагимов, и в этом он тоже далеко не одинок, показывает огромный потенциал тех, кто был принесен в жертву «глобальным разборкам» [Ибрагимов, 2005, 5], нацеленным на обогащение «избранных» людей. В конкретном случае речь идет о гениальном мальчике, дарование которого, по мнению тех, кто его слушал, превосходило уровень Чечни и даже России во много раз. В романе подчеркивается, что мальчик мог прославиться на весь мир, поэтому его гибель – безвозвратная потеря так и не созданных великих произведений искусства и их уникальных интерпретаций. В-четвертых, в «Детском мире» через многочисленные не отличающиеся оригинальностью символы и метафоры (шарик, улетающий в небо; магазин детских игрушек; скрипка гениального мастера и т. д.) в очередной раз показано, что война выстраивает иерархию ценностей, которую можно считать гораздо более правильной, чем то, что современный читатель (зритель) может наблюдать повседневно вокруг себя.

Утопия Аслана Шатаева

Второй тип отношения к военным событиям недавнего прошлого России, демонстрирующий более высокий уровень «усталости» от боевых действий, встречается в творчестве Аслана Шатаева. Наиболее показательна в этом смысле его утопия «Метеорит». Сюжет рассказа фантастический. В его основе история о том, что в годы наведения конституционного порядка в Чечне на территории Аргуна упал метеорит. По мере остывания небесного объ-

екта активизировались бактерии, питавшиеся взрывчатыми веществами. За несколько часов они вывели из строя все вооружение на планете. Человечество было вынуждено отреагировать. Многие сочли падение метеорита проявлением гнева Всевышнего, ведь люди слишком увлеклись уничтожением друг друга.

Несмотря на многочисленные языковые неточности, стилистические погрешности и речевые ошибки, утопия Аслана Шатаева максимально точно отражает часто встречающуюся в текстах чеченских авторов идею о том, что человек, берущий в руки оружие, постоянно сталкивается с ситуациями, когда «не остается другого выбора, чтобы его не применить» [Садулаев, 2010].

Последний вопрос, поставленный в рассказе Аслана Шатаева, звучит так: «Преодолеют ли люди кроважидные инстинкты взаимоуничтожения, выработанные тысячелетиями?» [Шатаев, 2008]. Точного ответа у автора нет, но он надеется, что за время вынужденного затишья люди не станут осваивать новые виды вооружений, в состав которых не будут входить взрывчатые вещества, а смогут начать менять мир в направлении взаимопонимания.

Чеченские события в тексте Мусы Ахмадова

В повести Мусы Ахмадова «Дикая груша у светлой реки», которая без оговорок не может быть названа батальной, война показана как явление, изменившее национальные устои чеченцев, повлиявшее на традиционный уклад их жизни. Это «зло, обрушившееся на народ» и сумевшее разрушить «границы взаимоуважения и благородства, казавшиеся до сих пор нерушимыми» [Ахмадов, 2008].

Важным наблюдением автора является тот факт, что изнутри чеченского этноса звучит осуждение как русских, так и чеченских лидеров, развязавших войну, которые смогли «воспитать слепо преданных воинов, готовых выполнить, не обсуждая, любой приказ» [Ахмадов, 2008]. Как сказано в одной из статей И. Хугаева, «разграничение народа и „элиты“, когда все политические грехи списываются на правящую верхушку, а народ освобождается от ответственности, ... лежит в русле лукавого либерализма и политкорректности, и, по большому счету, сводит на нет ценность демократии» [Хугаев, 2017, 9].

В своем повествовании Муса Ахмадов сосредоточился на поиске примеров того, как мирные жители кавказской республики ненавидели и российских солдат, и своих боевиков, будучи убеждены в том, что и тем и другим нет дела до простых людей, что воюют они не столько друг против друга, сколько против народа Чечни [Ахмадов, 2008]. Автор повести нашел для своего главного героя способ благородного участия в военных действиях, не разрушающий этнической специфики и национальной самобытности чеченцев: Довт пробирался туда, где шла «зачистка», давал несколько очередей из автомата, чтобы отвлечь внимание на себя и уводил русских солдат как можно дальше, не убивая ни одного из них, а затем прятался несколько дней в заранее подготовленном месте.

Наградой герою за попытку найти максимально бескровное соединение войны и необходимости сберечь достоинство, напрямую связанное в повествовательной структуре текста с чеченским происхождением Довта, было то, что народ принял его жертву: о Довте слагали легенды, называя в них героя Одиноким Волком.

Батальная проза Германа Садулаева

Герман Садулаев посвятил чеченской трагедии три произведения («Одна ласточка еще не делает весны», «Апокрифы чеченской войны», «Шалинский рейд»), поэтому его тексты представляют сразу несколько оригинальных версий отношения к описанным событиям, на которых необходимо остановиться подробнее.

Наиболее значимым текстом этого автора о войне стала повесть «Одна ласточка еще не делает весны». Главной отличительной чертой повести является сочетание элементов эпичности и склонности автора к публицистике. Эпичность проявляется в попытках Г. Садулаева вписать свою жизнь и жизни современников в многовековую историю чеченского этноса, в цепочку существований, передаваемых от предков к потомкам, от предыдущих поколений к будущим. Как пишет Э. Кириллов, «любая культура развивается и воспроизводится благодаря картине мира, включающей в себя универсальные идеи, представления, чувства, ценности, единые для всего человечества, переосмысленные в сознании каждого народа и особым образом выраженные в его культурной практике» [Кириллов, 2016, 54]. На картину мира чеченцев, как это представлено в повести, оказали влияние периоды мирного и конструктивного сосуществования русских и чеченцев. Периодически переводя повествование в доисторические времена (хронотоп повести Г. Садулаева бесконечно уходит в прошлое и совершенно не ограничен пространственными границами), автор воспроизводит эпохи, когда предки русских и чеченцев были братьями и вместе охраняли Великую степь, «одни с севера, другие с юга» [Садулаев, 2005, 54]. Об этом емко сказано И. Хугаевым: «И народы, подобно отдельным людям, есть душевные – и есть духовные, духовые. Многие народы преуспели в ремеслах, искусствах и науках, многие создали красивые обычаи. А есть народы, которые, помимо остального, хранят верность заветам предков и другим народам, с которыми они пуд соли съели» [Хугаев, 2017, 9].

«Для... текстов Садулаева характерны мифологическая цикличность времени, бинарные семантические оппозиции – лета и зимы. Цикличность времени нарушается войной. Пространство разделено трихономически по вертикали: небо, земля, подземелье. Небо – амбивалентный символ, ассоциирующийся с мужским началом. Земля (родина) воплощает женское начало – мать. Подземный уровень населен хтоническими обитателями – танками-чудовищами, которые просыпаются во время войны. Пространство по горизонтали дуально – организовано как семантическая оппозиция своего (сакрального) и чужого (профанного)» [Аристов, 2013]. То есть война воспринимается писателем как разрыв бесконечного эпического пространства, как пауза в истории существования этноса. Отсюда проистекают некоторые

намеренно дисгармоничные элементы стиля: например, сочетание романтических, символически емких образов с сугубо бытовыми, сниженными деталями реального мира: «Когда алая корова солнца выходит на бескрайнее синее пастбище неба медленно пережевывает белые кусты облаков, чтобы напоить парным молоком дождя зеленого теленка полей, хозяйки, гремя эмалированными ведрами, заходят в сараи для утренней дойки» [Садулаев, 2005, 49].

Крайне важным представляется упоминание в тексте теории Льва Гумилева, с которой Г. Садулаев солидарен. Согласно данной теории в понимании автора повести, чеченцы усилиями русских политиков и военных вошли в стадию «пассионарного перегрева»: «От этого и героизм чеченцев, их активность, их воспроизводство, но и фатализм, самопожертвование» [Садулаев, 2005, 60]. В худшем случае пассионарный перегрев заканчивается вымиранием нации, но в лучшем случае он способствует активизации этнических особенностей.

Помимо изображения войны как паузы в эволюции народа и как катализатора «пассионарного перегрева» чеченская трагедия в повести представлена как явление, активно противостоящее естественной гармонии природы. Эта идея реализована Г. Садулаевым через лейтмотив ласточек. Ласточки – главный сквозной символ повести. Образ этой птицы многозначен. В одном из эпизодов ласточки описаны даже с помощью батальной терминологии: «Но нет, лето приходит завтра, может, ласточки – это авангард или разведотряд, они прилетают первыми и сообщают лету азбукой Морзе, свистами и щебетанием: все хорошо, можно наступать» [Садулаев, 2005, 52]. Птицы служат противовесом войне как часть природы, страдающей от боестолкновений не только не меньше, но и больше, чем люди, затеявшие кровопролитие: «В ту весну, обезумевшие стайки ласточек носились над развалинами домов и кричали, протяжно, горестно, безутешно» [Садулаев, 2005, 53].

Но еще одна неожиданная роль ласточки в повести – воплощение человека в цепи земных инкарнаций. В частности, одна из многочисленных жизней главного героя: «И когда я закрываю глаза, я ясно вижу это. Только вижу сверху, нет, не очень высоко, не с далеких небес, я вижу это с высоты птичьего полета, с высоты полета ласточки над весенней землей» [Садулаев, 2005, 56]. Такое восприятие ласточек позволяет Г. Садулаеву ввести в текст элемент оптимизма, так как с этими птицами писатель связывает посмертное «будущее» погибших в результате противостояния героев своей повести. Кстати, в названии повести того же автора «Апокрифы чеченской войны» тоже присутствует вариант посмертного существования погубленных войной одноклассников, родственников, соседей, знакомых рассказчика, условно причисленных Г. Садулаевым к лику святых.

Наиболее оригинальным и ярким в текстах Г. Садулаева является восприятие войны как явления не столько реального, сколько мистического: «Мы отступники, мы нарушили закон... Поэтому небо обрушилось на нас» [Садулаев, 2005, 78]. Такое отношение позволяет чеченскому писателю сравнить боевые действия с танцем бога Шивы: «Я думал, что, наверное, это и есть танец Шивы, индийского бога разрушения – пляска, которой он уничтожает вселенную» [Садулаев, Апокрифы..., www].

Г. Садулаев – сторонник мистической трактовки истории. Он убежден, что любое значимое событие, например война, сначала становится нужным вселенной по каким-то причинам, а уже потом случается, происходит [Садулаев, 2010]. Случай ставит определенного человека в определенное место, и история может «закрутиться» вокруг него. При этом статус человека и даже его личностные качества значения могут не иметь [Садулаев, 2010]. Рассуждая о роли личности в истории, Г. Садулаев приходит к убеждению, что войну прекратил, остановил народ, потому что хотел мира, хотел жить и трудиться, «не боясь, что с неба прилетит ракета или под ногами разорвется мина» [Садулаев, 2010]. И в этом чеченский автор солидарен с Л. Толстым, тоже именно народу отводившим главную роль в судьбе, будучи вовлеченным в боевые действия страны.

В третьем тексте чеченского цикла, «Шалинском рейде» главным понятием, которое становится базой для рассуждений о войне как явлении человеческого мира, является справедливость. Справедливость кровопролития писатель предлагает измерять одним единственным способом: благословляют ли на войну матери своих сыновей. Но ни одна мать: ни русская, ни чеченская – своих детей не благословляла на чеченскую бойню, потому что современные войны – это «преступление против человечности, это ошибка, это грех» [Садулаев, 2010]. По мнению автора повести, войны не решают больше никаких человеческих проблем, но «мы подобны людоедам, которые, будучи завалены самой вкусной пищей, все же не могут отказаться от мерзкой привычки есть человечину» [Садулаев, 2010].

Тема справедливости выводит рассуждения о войне на философский, идеологический и даже религиозный уровень. Г. Садулаев предполагает, что чеченская война имела серьезное идеологическое значение для России, потому что она дала стране возможность создать очередной миф: «И вот снова эти солдатики калачные по метро, пострадавшие за землю русскую. Песни поют... И романтические мужчины, украшенные страданием и шрамами в душе, что дает им право пить беспробудно водку или совершать преступления, или книги писать, например. Я думаю, что с каждым годом эта прошлая война будет расти и разбухать» [Садулаев, 2010]. Писатель высказывается жестко: «Убийством десятков тысяч людей разных национальностей в Чечне оплачен современный нам реальный – хоть и несколько искусственный, заметно инспирированный, но – подъем русского национального самосознания. Без которого не выжила бы Россия. Будем смотреть правде в глаза и назовем вещи своими именами» [Садулаев, 2010]

Известный американский политолог Джудит Шкляр указывает на сложность отношения человека к намеренно и продуманно жестоким поступкам. Она пишет: «Судя по всему, жестокие поступки не только вызывают у нас жалость, но и оскорбляют наше чувство справедливости. Ни один ребенок не заслуживает грубого, жестокого обращения. Наложение наказания – законная прерогатива карательных органов, а также органов образования и национальной безопасности. Но если наказание выходит за рамки закона, мы считаем его «несоразмерным преступлению» и запрещаем применять» [Shklar, 1984, 24-25]. И это явление не имеет этнической окраски. Так что, видя происходившее в Чечне, Г. Садулаев не мог не вспомнить

об известной «слезинке ребенка», слишком высокой, по его мнению, цене за любую, даже самую благородную, национальную идею. А в Чечне речь шла о тысячах человеческих жизней. Более того, Г. Садулаев настаивает на том, что в истории нет и не может быть никакой другой точки зрения, кроме точки зрения обывателя, жившего в описываемые времена. Все иные взгляды гораздо менее значимы, потому что заведомо антигуманны и бесчеловечны.

Заключение

«При всем многообразии подходов к характеристикам войны в русской литературе, <...> это наиболее простая по своей сущности категория. Так, вся мировая художественная культура указывает на то, что гуманистическое искусство всегда осуждало войну вне зависимости от сторон, участвующих в ней или, в крайнем случае, определяло ее как необходимую жестокость», – считают С. Постников и О. Постникова [Постников, Постникова, 2016, 228]. В этом смысле чеченская литература не является исключением. Однако батальные тексты о чеченских событиях конца XX – начала XXI века, созданные представителями русскоязычной чеченской литературы, в изображении войны и трактовке ее особенностей несколько отличаются от тех, что написаны русскими авторами. Писатели из Чечни демонстрируют гораздо более высокий уровень усталости от войны и принципиально категорического ее неприятия; они глубже и полнее показывают влияние войны на мирную жизнь обыкновенных людей, в том числе незащищенных: детей, стариков, психически нездоровых граждан, беременных женщин. В исследованных текстах нет откровенно шовинистических высказываний о русских, зато присутствует осуждение лидеров народа, как чеченского, так и российского, развязавших войну. Надо признать, что русскоязычные чеченские писатели гораздо чаще своих русских соотечественников, в своих произведениях пытаются примирить чеченцев и русских, оправдать действия и тех и других.

Безусловно, чеченские воины в большинстве текстов русскоязычных авторов Чечни представлены как герои, погибшие – как святые. Но и о героизме русских солдат сказано немало.

Некоторые взгляды на природу войны, встречающиеся в художественной прозе представителей писательского сообщества Чеченской Республики, практически нигде больше не появляются: война как катализатор национального самосознания народа и сплочения этноса; война как мистическое явление; война как попытка вселенной вернуть человека к «правильной» иерархии ценностей. Общим для всех батальных текстов о чеченской трагедии, русских и чеченских, являются безусловный и отчаянный призыв к миру; убежденность в странности и неправильности чеченского вооруженного противостояния; ненависть к высоким чинам, материально и политически заинтересованным в конфликте; а также убедительное художественное доказательство беспрецедентно негативной роли средств массовой информации в формировании общественного мнения по поводу трагических событий, происходивших в кавказской республике на рубеже XX–XXI веков.

Библиография

1. Аристов Д. Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформация: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 20 с.
2. Ахмадов М. Дикая груша у светлой реки // Дружба народов. 2008. № 3. URL: <http://detectivebooks.ru/book/30320736/>
3. Ибрагимов К. Х. Детский мир. М.: Моц-АРТ, 2005. 383 с.
4. Кириллов Э. Культурологические измерения картины мира // Культура и Цивилизация. 2016. № 1 С. 48-58.
5. Постников С., Постникова О. Милитарологизмы и их использование в русской литературе // Культура и Цивилизация. 2016. № 4. С. 223-234.
6. Садулаев Г. Апокрифы Чеченской войны // <http://www.libros.am/book/read/id/167298/slug/apokrify-chechenskojj-vojjny>
7. Садулаев Г. Одна ласточка еще не делает весны // Знамя. 2005. № 12. С. 42-94.
8. Садулаев Г. Шалинский рейд // Знамя. 2010. № 1. URL: <http://e-libra.ru/read/213100-shalinskij-rejd.html>
9. Хугаев И. Братья Бульбы: к вопросу о верности и предательстве // Вестник Владикавказского научного центра. 2017. № 1. С. 5-10.
10. Шатаев А. Метеорит // Дружба народов. 2008. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2008/7/sh7-pr.html>
11. Shklar J. Ordinary Vices. Cambridge: Harvard University Press, 1984. 268 p.

Chechen tragedy of late XX – early XXI century in the works of Russian speaking Chechen writers

Lyudmila V. Belous

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian and foreign literature,
North-Ossetian State University,
362025, 44-46 Vatutina st., Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania, Russian Federation;
e-mail: belouslv@yandex.ru

Abstract

A look at the inside of the Chechen events, that is, by the Russian authors of Chechen origin is somewhat different from what is presented in contemporary Russian literature battle. Writers from

Chechnya demonstrate a much higher level of fatigue from the war and its categorical rejection in principle; they show the impact of the war in the peaceful life of ordinary people deeper and more fully. Some views on the nature of war, which can be found in the prose by writer's community representatives of the Chechen Republic do not exist practically nowhere else: war as a catalyst of national consciousness of the people and ethnic unity; war as a mystical phenomenon; war as an attempt of the universe to return people to the "proper" hierarchy of values. Common feature of Russian and Chechen texts about the Chechen tragedy are an unconditional and desperate call for peace; conviction of the strangeness and irregularity of the Chechen armed confrontation; the hatred of high ranks, financially and politically interested in the conflict; convincing artistic proof of the unprecedentedly negative role of the mass media in shaping public opinion about the tragic events that took place in the Caucasian republic at the turn of the 20th and 21st centuries.

For citation

Belous L.V. (2017) Chechenskaya tragediya kontsa XX – nachala XXI veka v tvorchestve russkoyazychnykh chechenskikh pisatelei [Chechen tragedy of late XX – early XXI century in the works of Russian speaking Chechen writers]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (2A), pp. 133-142.

Keywords

Battle prose, the Chechen war, symbolism, interpretation, chauvinism.

References

1. Akhmadov M. (2008) Dikaya grusha u svetloi reki [Wild pear near bright river]. *Druzhba narodov* [Friendship of peoples], 3. Available at: <http://detectivebooks.ru/book/30320736/> [Accessed 18/01/17].
2. Aristov D. (2013) *Russkaya batal'naya proza 2000-kh godov: traditsii i transformatsiya. Dokt. Diss. Abstract* [Russian battle prose of 2000-s: traditions and transformations. Doct. Diss. Abstract]. Perm.
3. Ibragimov K. Kh. (2005) *Detskii mir* [Children's world]. Moscow: Mots-ART Publ.
4. Khugaev I. (2017) Brat'ya Bul'by: k voprosu o vernosti i predatel'stve [Bulba's brothers: to the question of fidelity and betrayal]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of Vladikavkaz Scientific Centre], 1, pp. 5-10.
5. Kirillov E. (2016) Kul'turologicheskie izmereniya kartiny mira [Culturological dimensions of the worldview]. *Kul'tura i Tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 1, pp. 48-58.
6. Postnikov S., Postnikova O. (2016) Militarologizmy i ikh ispol'zovanie v russkoi literature [Military terminology in Russian literature]. *Kul'tura i Tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 4, pp. 223-234.

7. Sadulaev G. *Apokrify Chechenskoi voiny* [Apocryphes of the Chechen war]. Available at: <http://www.libros.am/book/read/id/167298/slug/apokrify-chechenskojj-vojjny> [Accessed 19/01/17].
8. Sadulaev G. (2005) Odná lastochka eshche ne delaet vesny [One swallow doesn't make spring]. *Znamya* [Banner], 12, pp. 42-94.
9. Sadulaev G. (2010) Shalinskii reid [Raid in Shali]. *Znamya* [Banner], 1. Available at: <http://e-libra.ru/read/213100-shalinskij-rejd.html> [Accessed 19/01/17].
10. Shataev A. (2008) Meteorit [Meteorite]. *Druzhiba narodov* [Friendship of peoples], 7. Available at: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2008/7/sh7-pr.html> [Accessed 19/01/17].
11. Shklar J. (1984) *Ordinary vices*. Cambridge: Harvard University Press.